

## Сибирь. Русская сила.

*Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила,  
которая бы пересилила русскую силу!*  
Н.В. Гоголь

Знаете ли вы, что такое сибирская ночь? О, вы не знаете сибирской ночи! Всмотритесь: внезапный ноябрьский мороз выбрал, сгустил, сжал воздух, и осыпал его самоцветными чешуйками на первоснежные поляны, и ничем теперь не удерживаемое небо рухнуло на самую землю. Ужасая доступностью, косматые звёзды величиной в ладонь нависли над головой, так что один медведичий Ковш занял половину мира – от сизой полоски дальнего горизонта до чуть парящей избяной трубы. Вспомните, как давним детством своим, выбежав на двор, оглянулись и замерли вы, и обомлели, вдруг задохнувшись: вокруг тишина такая бездонная, такая безответная – что там дыхание, даже мысли ваши затаились, трепеща оскорбить её священство! И только сердчишко стучало, стучало, разрываясь восторгом перед распахнувшимся внезапно величием Господней вселенной.

Вот и теперь вновь переливчато горит под ногами девственный снег, а вокруг под тяжестью загустевшей стужи гнутся сказочно закуржавленные берёзы и ели, и лишь голые лиственницы костяными упорами трудно удерживают огрузневшие созвездия. Да, только в Сибири ночь так сближает небо и землю, соитит видимое и невидимое. Только в Сибири чёрное-чёрное небо и белая-белая земля так ясны и честны в прямом своём схождении.

Божественная ночь! Ослепительная ночь! Но знаете ли вы, как упоителен, как роскошен летний день за Уралом?..

Ох, Николай Васильевич, сколько же копий за почти уже два века переломано многомудрами о правде и вымысле вашем, сколько ж перьев источено в объяснениях природы ваших видений. Метонимии, гиперболы и литоты, гротеск, преувеличения и сатира... Но тщетно, зря исписаны горы и степи бумаги, так и остаётся для кабинетных философов не разгаданным ваш дар, ибо прав Белинский: отчего-то повести ваши всегда «в чтении смешны, а по прочтении печальны». А разве возможно таковое от безответственных фантазий? Нет, это послевкусие правды.

Нет, все ваши *редкие птицы* и *двадцатипудовые бремена* Тарасовы, а уж, тем более, *уездные города, от которых хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь*, вовсе не преувеличения, не насмешливый вымысел, а вполне даже реалии, почти даже натурализм – если натурализм тот сибирский. Эх, Николай Васильевич, кабы докатилось колесо вашей кибитки до парома через Обь или до ледовой переправы через Енисей, то пусть не увидели бы вы (до нефтяной-то эры) супа, доставляемого Северным путём в кастрюльке прямо из Парижа, но арбуз в семьсот рублей, может быть бы, и тогда уже отведали. Если бы да кабы.

Сибирь, Сибирь... Когда, представляясь в новом месте новым людям, произносишь «я – сибиряк», заранее знаешь реакцию: улыбки. Улыбки и сброс всякого зажима. Так уж за четыреста лет сложилось и утвердилось, что никто и нигде не ждёт от выходца из азиатской России ни суетной подлости, ни затяжной интриги, ни корыстной или тщеславной зависти. Разве лишь медлительности соображения, ясно, что с младенчества чуток подмороженного.

«Я сибиряк» – и уже не боятся повернуться к тебе спиной, не страшатся засветить сокровенное или приоткрыть болящее, пообещать невыполнимое: сибиряк ни слабостью не воспользуется, не словит на слове, не предаст, тем более, не продаст, а даже если и обидит чем, то ненамеренно. Так уж оно сложилось.

И дорогого ж такое доверие стоит, ко многому обязывает.

Ведь, если трактовать истории народов согласно Василию Осиповичу Ключевскому, – что характер этноса формирует ландшафт, а мировоззрение нации – ареал её проживания, и потому-то непередаваем социально-экономический уклад жизни людей леса людям степи, а, уж тем более, насельникам ущелий, то надо признать, что русский народ, взращённый свободами раздолий меж Днестром и Волгой, меж Западной Двиной и Северной, повзрослев и умножась, никак уже не мог изменить себя, дабы сжиматься и сварливо тесниться, подобно романцам, норманцам, готам или галлам, ради тепла и сытости. Сформированная густою сетью петлистых рек, связующих моря Белое и Чёрное, выпестованная догоризонтными дубравами и беспросветными ельниками, выученная кормиться от любой елани и раскорчёванного выжига, отстаивая урожай и детей от безпрестанных набегов степняков и варягов, Русь не могла стать домоседкой. Даже покрывшись городцами и уездами, долго, долго не строила она, кроме храмов, навечного жилья, нутром своим, уже характером всегда готовая в путь-дорогу. По добру ли, по принуждению. И оттого век избы, срубленной под молодую семью, век человеческий – выросли дети, разлетелись вить свои гнёзда, и прогнили углы, завалилась крыша. С того же до сих пор пренебрегают истинно русские люди и заборами.

Россию можно увидеть и ощутить только в движении. Лёгкая смена холмов и луговин, близкие и дальние берёзовые колки, рыжетелые сосняки, беззвучные дубравы, грачи на пахотах и слепящие солнцем плёсы – Россия дышит, Россия живёт, и растёт-ширится нашим и своим движением. И широта её – широта наша. Нет, мы ни в коей мере не кочевники, хлеб – наше жито, наша жизнь, но национальный характер русских, веками вырабатываемый суровым климатом и скудноватой землёй, то есть, необходимостью перемены мест именно для своего хлеборобства, для лесных и водных подспорных сборов, наделён лёгкостью на подъём. Потому-то только русский человек смеет попрекать себя в лени и нелюбопытности, так как любая приостановка, любой застой его томит и раздражает. А так-то, не дай Бог кому со стороны поверить, что Дежнёвы ленивы, а Ползуновы не любопытны!

Наша постоянная потребность простора – тот же многовековой опыт выживания в слабоурожайности, опыт, перешедший в эмоциональную рефлекссию, в нетерпение узости, непереносимость тесноты. Однако в нашем языке словом «воля» равно обозначается и внешняя свобода, и внутренняя сдержанность. И потому наши первопроходцы не были ни корыстолюбивы, ни лихоимны. Прибыток прибытком, но какой мздой можно окупить страхи, скорби и лишения на путях суздальцев в Алтай, а вологодцев в Калифорнию? Не Эльдorado, а Беловодье манило русского человека. Никитин и Ермак, Шелехов и Семёнов, Невельский и Миклухо-Маклай – размашистость русского нрава не удерживали ни Дикая степь, ни Каменный пояс, ни даже Океан.

Лёгкость на подъём... Как ни велика Россия в сравнении с европейскими соседями, но лишь обживая Сибирь, русский человек наконец-то насытил свою жажду просторов, наконец-то получил искомую ширь для размаха в своих мечтаниях и планах. Здесь, где *редкая птица долетит до середины* Обской губы, а от Туруханска *за три года не доскачешь ни до какого государства*, только здесь русский характер раскрылся во всей своей полноте. Сибиряк – это русский человек совершенно, русский человек в максимально возможном своём воплощении.

Государство увеличивает свои территории оружием или политикой, но вбирает в себя новые края, вживляет, осваивает просвещением. Ведь удивительно, и восхитительно, как, проходя сквозь заселённые столь разными народами места, русские не вымещали никого, не зорили храмов и святыниц, не сгоняли с родин, уж тем более – не истребляли, хоть периодически и понуждали к миру кормившихся от войны, разбоев и работоторговли. Ведь не ради рабов и ясака шёл и шёл русский человек за край неба, а ради того, чтобы спящая в диком девстве земля осеменилась и заплототворила. Русский человек шёл

раскорчёвывать дебри и осушать топи, вспахивать и засеивать пустоши, исправляя адамово падение: он шёл обращать землю в сад, то есть – в рай. Это наша национальная идея.

В этом наша русская сила. Сила, которой поклонились полтора ста народов и покорились полконтинента.

Государство осваивает новые края и вбирает их в себя просвещением. И основанный в день Святой Троицы 1587 года отрядом казаков Даниила Чулкова город Тобольск явился теми духовными вратами, которыми Сибирь вошла в Россию. Ибо зазвучавший тут русский язык принёс Благоую весть.

В 1620 году учреждена Сибирская епархия, и первый архиепископ Киприан Старорусенин поставил в Тобольске деревянный храм во имя святой Софии, в котором начали ежедневное поминовение павших в боях казаков Ермака. А ныне уже целый сонм святых, в земле Сибирской просиявших, возглавляют Иоанн и Павел, митрополиты Тобольские.

Согласно русским имперским принципам, вошедшее за Урал православие не вступало в конфликт с исповедуемым местными татарами исламом. Но просвещение разноречиво-разноплеменных язычников, как и исправление нравов прибывавших на новые земли, ох, далеко не всегда праведных искателей воли и наживы, стали главными заботами и трудами нескольких поколений архиереев и священников. Миссионерство всегда подвиг, полный лишений, голода и холода, болезней, даже смертей. Первым делом прибывавшие на места служения учёные люди изучали местные быт и традиции, языки и верования, составляли словари-толковники, затем буквари и учебники. Практически у всех народов Сибири, Полярного Севера и Дальнего Востока письменность началась с приходом русских. Оттого успехи сибирских апостолов были просто поразительны: шаманизм и тотемизм отступали без особых конфликтов, а познаваемая на своём языке вера не воспринималась как наносная, господская. Так что и ныне на Аляске православная литургия служится на индейских наречиях.

Тут тонкость. Выпускник Тобольской семинарии, Санкт-Петербургский риторик и Иркутский судья, географ Якутии и визитатор (инспектор) всех Сибирских училищ, Пётр Словцов (1767-1843 гг.) писал в своём «Историческом обозрении Сибири»: «И *русские племена подвластные* (курсив мой) начинали считать себя принадлежащими к единой великой семье... Не радостно ли предусмотреть сложение будущей соединенной жизни, жизни небывалой». *Русские племена* – это ханты и татары, эвенки и шорцы, казахи и хакасы, якуты и буряты, юкагиры и коряки, вливавшиеся в русскую нацию! Империя наша, действительно, изначально строилась как семья народов, и, как во всякой семье, старший, то есть, больший, государствообразующий народ, реализуя свои представления о добре и зле, правде и справедливости, свободе и насилии, стойкости и прощении, являлся защитником, кормильцем и даже донором для меньших своих братьев. Под старшей русской силой прекращались межплеменные столетние войны, вековые теснения – многонациональная и разноречивая Сибирь замирялась. Замирялась ещё и потому, что через русский язык её народы начинали понимать друг друга. Ибо русский язык пришёл в Сибирь не только языком закона и торговли, но и языком просвещения.

Россия заявлялась городками-крепостцами. Думается, что история Русской Азии сложилась бы совсем иначе, если б в первых волнах сибирских переселенцев крестьян оказалось больше, чем слуг государевых и казаков, разведчиков-рударей и купцов, инженеров и священства. Именно тот факт, что на новые территории и к новым народам Россия вошла не насилием колонизаторов-переселенцев, захватывающих понравившиеся уголья, оттесняющих аборигенов в резервации, с массовыми убийствами несогласных, а силой правопорядка и неведомого до того в сих местах знания. А ещё несомна была та сила личностями – яркими, волевыми, предприимчивыми и стойкими, увлекающими своей увлечённостью, убеждающими своей убеждённостью, личностями многогранными и цельными – *умными людьми*. Именно эти-то передовые отряды *умных людей* зародили-

заложили на бескрайних просторах уникальную *русскую культуру* симбиотического типа, которая сводит в едином поле духовные, душевные и телесные интересы сотни народов, разнящихся не только этнически и языково, но бытово и мировоззренчески. Степняки и таёжники, горцы и кочевники тундр – опять же! – *умные люди* из татар и шорцев, эвенков и якутов, орочей и бурятов искали среди пришлых союзников и сотрудников, собеседников и толкователей распахивающейся для них Вселенной. Самых талантливых детей отдавали они новым учителям, чтобы те пытливецтвом своего ума и чистотой сердца впитывали знания и культуру России, вырастая живыми скрепами имперского взаимопонимания. Конечно же, всё через русский язык.

Крестьянствующие на «голые» земли Зауралья хлынули много позже. Пролётшая меж болотными мерзлотами и лесистыми горами степная лента древнего Эранвежа – арийского, скифского, гуннского, тюркского, монгольского и славянского пути «из Карпат в Гоби», по следам древних колесниц и кибиток обновляемая Транссибом, обросла пашнями и огородами мелких сёл и хуторов лишь в последние полтора столетия. Конвой с «ворами»-бунтовщиками и ревнителями древнего благочестия, столыпинские посулы и большевицкие посылы – заселение Сибири россиянами проходило импульсно.

А в начале XVIII века, когда Россия разделилась на восемь губерний, то под Тобольское правление очертили границы от Урала, с Вяткой, Пермью, Верхотурьем, Тюменью, и далее, далее – вглубь и ширь востока – с Томском, Красноярском, Иркутском, Илимском, Якутском... И так до самых Шилки и Аргуни! Вот тогда-то знаменитый ныне историк и картограф, а в те времена просто выделенный из младших чинов за сметливый ум Семён Ремизов, по заказу первого губернатора Сибири князя Гагарина, спроектировал на изумление и вразумление местным вождям и князьям каменный кремль, своей красотой и мощью достойно представивший величие России.

Вятка и Тюмень, Томск и Якутск... Для всей неоглядной территории Тобольск был одновременно и духовным, и культурным центром. В 1701 году указом Петра I для детей служилых людей открыта первая в Сибири светская школа. А через три года в своей Архиерейской школе митрополит Филофей Лещинский благословил театрализованные представления! В типографии купца Корнильева печатались свои, уже сибирские книги: «Тобольская летопись», «Словарь юридический», «Сельская экономия». Издавались и первые журналы – «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», «Журнал исторический», «Библиотека учёная, экономическая и нравоучительная».

В 1743 году митрополит Антоний Нарожницкий основал Тобольскую Духовную семинарию, в которой изучались латынь, история, география, математика, красноречие. Библиотека семинарии собранием редких книг и рукописей самой разнообразной тематики не знала себе равных. А к концу века, за Народным училищем, в котором, кроме прочего, преподавался сибирско-татарский язык (сибирские татары – выходцы из Средней Азии, особая тюркская языковая группа), в государственных и частных школах города обучались дети всех сословий и всех краёв неоглядной губернии. Завелась в Тобольске даже своя школа геодезистов и картографов.

Здесь началось и женское образование. В 1854 году приняла первых учениц Мариинская школа. Помимо традиционных дисциплин, в программу входило обучение музыке, танцам, изобразительному и прикладному искусствам. С 1866 года при Иоанно-Введенском монастыре готовят учительниц церковно-приходских школ. В 1878 открылось первое медицинское учебное заведение – Повивальная школа.

Понятно, что далеко не все прибывали сюда собственной волей. Ссылка да каторга – синонимы Сибири. Так первым «политическим сибирским ссыльным» считается доставленный в 1593 году колокол Углича, посмевавший откликнуться набатом на убийство царевича Димитрия. Тобольский острог видел протопопа Аввакума, попав под государеву немилость, послужил в местном гарнизоне «арап» Ганнибал. Побывали здесь арестантами Радищев и Пасек. А в 40-х годах XIX века в Тобольск ввезли декабристов Штейнгейля,

братьев Бобрищевых-Пушкиных, Свистунова, Анненкова. На Завальном кладбище упокоились Кюхельбекер, Барятинский, Муравьев, Вольф, Семёнов, Краснокутский.

За декабристами – петрашевцы, среди которых гремел кандалами и Достоевский.

Это вообще особая тема – русские писатели и Тобольск. Сидели в местной тюрьме Чернышевский и Короленко, томились ссылкой Чижов, Сумароков и Фонвизин. Но зато учительствовал здесь маленькому Диме Менделееву великий сказочник Пётр Ершов, некогда юношески запальчиво заявлявший Пушкину, что предпочитает свой город столице. «Вам и нельзя не любить Сибири, – ответил Александр Сергеевич. – Во-первых, она ваша родина, а во-вторых, страна умных людей».

Страна умных людей! Действительно, чего стоит одна только «каторжная академия» с лекциями по прикладной и высшей математике и по русской литературе, по философии и истории, даже по военной стратегии. Декабристами велись религиозно-философские диспуты и совершались открытия в области механики, занятия живописью и литературой сочетались с метеорологическими наблюдениями и изобретательством сельскохозяйственных орудий... Но ещё больше поражает духовная жизнь декабристов. Вдумайтесь в слова князя Трубецкого: «Я убежден, что если бы я не испытал жесткой превратности судьбы и шёл бы без препятствий блестящим путем, мне предстоявшим, то со временем сделался бы недостоин милостей Божьих и утратил бы истинное достоинство человека. Как же я благословляю десницу Божию, проводшую меня по терновому пути...» А это Беляев: «Ссылка наша целым обществом... была, так сказать, чудесною, умственной школою как в нравственном, умственном, так и в религиозном и философическом отношениях. Если б мне теперь предложили вместо этой ссылки какое-нибудь блестящее в то время положение, то я бы предпочел эту ссылку. Тогда, может быть, по суетности я бы поддался искушению и избрал другое, которое было бы для меня губительно».

В этих мыслях, итожащих жизнь раскаявшегося идейного преступника, явственно самим Богом раскрывается смысл того, зачем русскому человеку дана Сибирь. Здесь *воля* внешняя, широта, и *воля* внутренняя, высота, сходились впрямую. Как чёрное-чёрное небо и белая-белая земля. Да, на каторгу и в ссылку, ох, далеко не многие шли по политическим убеждениям, основной-то контингент пересылок – это ворьё и убийцы, мошенники и лихоимцы, дезертиры и скандалисты-буяны. Но тяготы, а, порой, и подвиги выживания самых эгоистичных здесь научали пониманию нужды человека в человеке. Без скорбей, болезней, трудов, страданий, *огней и муки* не возможны возвышения, вдохновения, взлёты духа, только в них проявляется *сила*, и здесь, в условиях неизбежной гибели без деятельного участия и круговой поруки, на этом постоянном пограничье смерти и товарищества русский человек и становился русским в совершенстве.

От Тобольской миссии до Томского университета – за три века над Сибирью одно за другим засвечивались ярчайшие звёзды своих собственных, азиатских учёных-этнографов, историков-краеведов, учителей и писателей. Дети скотоводов и охотников, внуки шаманов, сказочников и *песенных людей*, они вбирали, впитывали общемировую культуру и затем ответно богатели её опытом и мудростью своих народов. И всё это благодаря пришлому языку.

И, как правило, изначальное знакомство с русским языком начиналось для детишек из карамо, юрт и чумов в церковных школах и семинариях. Так семинаристами или школьниками-прихожанами были буряты Абашеев и Барадийн (Самандабадра), алтаец Мундус-Эдоков и якут Ойунский, шорцы Чиспияков и Вербицкий. Кстати, духовный просветитель шорцев и ученый-этнограф Василий Вербицкий был клириком Русской православной церкви. Так характерна для просветителей своих народов и судьба первого алтайского писателя Михаила Чевалкова (1817 – 1901 гг.). Мальчишка из глухого села, он начинал образование в школе Алтайской духовной миссии. Выучившись читать и писать на русском языке, Михаил был зачислен в штат миссии толмачом. Православная культура

настолько осветила мировоззрение Чевалкова, что он стал первым алтайцем-священником. Главная его книга «Житие Чевалкова» написана на южноалтайском языке, а в 1894 году издана в Томске в русском переводе как «Памятное завещание». Кроме христианских молитв и текстов из Библии, отец Михаил переводил на алтайский язык басни Крылова.

Ещё один великий сын Алтая Андрей Анохин (1869–1931), этнограф и композитор, основоположник профессиональной музыки алтайцев, окончил Бийское катехизаторное училище, затем учился в Московском синодальном училище церковного пения и Петербургской придворной певческой капелле.

Ключевая в новой истории народа Саха фигура Алексея Кулаковского связала собой две эпохи. Семинарист и улусный учитель, нищий, гонимый, слишком долго не имевший собственного угла, слишком часто не знавший, чем накормить собственных детей, оказался избран Богом на миссию удержания национальной памяти в новом времени. Потомок шаманов, глубоко и искренне погрузившийся в учение и мистику Православия, национальный ревнитель, влюблённый в русскую культуру, Алексей Кулаковский явился идеальным проводником якутской древней сути в формы её новой реальности. Его «Письмо к якутской интеллигенции» – завет мудреца и пророка своему народу: навеки завязать свою судьбу с судьбой народа русского.

После начальной волны миссионерских прицерковных школ и семинарий, по всей «стране умных людей» стали открываться и светские учебные заведения разного уровня и направленности, в которых училась молодёжь не только разных национальностей, но и разных вероисповеданий. Так сын хана, мусульманин и – учёный с прижизненным мировым именем, друг Достоевского и сотрудник Пржевальского Чокан Валиханов – выпускник Сибирского кадетского корпуса, «сибирского Царскосельского лицея».

Школы, училища, пансионы, гимназии, кадетские корпуса и – наконец! – 29 июля (11 августа) 1887 года состоялось торжество освящения храма во имя иконы Казанской Божьей Матери Императорского Томского университета – первого русского университета в Азии. Университета выстраданного и даже «высиженного».

Потанин, Ядринцев, Колосов, Щапов, Наумов, Макушин – имена этих исследователей и просветителей, философов и общественных деятелей, много претерпевших и пересиливших *огней* и *мук* ради этого университета, золотом вписаны в историю русской Сибири, в том числе, в историю её злонадуманного «областничества».

Географ, этнограф, публицист, фольклорист, ботаник, исходивший в экспедициях Сибирь и Монголию, Тибет и Китай, Григорий Николаевич Потанин (1835–1920) – сибиряк «настоящий», родился в Ямышевской крепости Семипалатинского округа. В 1865 году, вместе с Николаем Ядринцевым, Евгением Колосовым и Афанасием Щаповым, был арестован как участник «Общества Независимости Сибири», и в 1868 году признан виновным по делу «о злоумышленниках, имевших целью отделить Сибирь от России и образовать в ней республику по образцу Северо-Американских Соединенных Штатов». Отбыв каторгу в Свеаборге, был сослан (из Сибири-то!) в Вологодскую губернию. Помилование пришло лишь в 1874 году.

А ведь всё «дело» заключалось в горячечно страстном желании молодых людей поскорее открыть свой сибирский университет ради просвещения азиатских россиян! Ибо не могли юные сибиряки смириться с тем, что провинциальность измеряется расстоянием от столицы, никак не желали они терпеть от «окна в Европу» небрежения к своей совершенной, абсолютной русскости, в максимально возможном её воплощении. Здесь, в бескрайности суровых красот Сибири, здесь, на стыке пугающей древности и восторгающего грядущего, только здесь *русские мальчики* прочувствовали полноту своей *русской силы* в её самобытности, и громко заявили о ней чванящимся близостью к лондонам и парижам. И была то не гордыня, не самохвальство и, тем паче, не своекорыстие «по образцу Северо-Американских Соединенных Штатов», а, может быть,

лишь прощительное возрастом головокружение от отрывающихся перспектив для трудов и подвигов.

Однако вспомним князя Трубецкого: «Как же я благословляю десницу Божию, проведшую меня по терновому пути...». Судьба...

Тоже сибиряк по рождению, Николай Михайлович Ядринцев (1842-1894) из *городка* Омска Тарского округа Тобольской губернии. Публицист, писатель и общественный деятель, исследователь Сибири и Центральной Азии, первооткрыватель древнетюркских памятников на реке Орхон, столицы Чингисхана Каракорума и Орду-Балыка – столицы Уйгурского каганата в Монголии. «Сибирским областничеством» заболел ещё в Санкт-Петербургском университете. Автор громких статей в «Томских губернских ведомостях»: «Сибирь перед судом русской литературы», «Этнологические особенности сибирского населения».

«Чистый» тоболяк и писатель Николай Иванович Наумов (1838-1901). Этот инициатор Томского университета в своё время за пропаганду народнических взглядов на крестьянскую общину отчисляется из университета Санкт-Петербургского. А вот другой «отец» азиатского ВУЗа и основатель первой Томской публичной библиотеки Пётр Иванович Макушин (1844-1926) опять же из «церковных». Сын пермского причётника, он закончил Пермскую семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1860-х годах на Алтае Макушин организовывал миссионерское училище для «туземных мальчиков из новокрещённых» (которое, кстати, и закончили священники-писатели алтаец Михаил Чевалков и шорец Василий Вербицкий), а затем и школу для девочек. В Томск Макушин прибыл смотрителем духовного училища, но скоро оставил службу и в 1873 году открыл первый в Сибири книжный магазин. К концу века магазин становится крупнейшей отечественной книготорговой фирмой с отделениями в разных городах. В 1880-е годы Макушин основывает и издаёт первую частную «Сибирскую газету». По его инициативе в 1889 году в Томске положено начало Музею прикладных знаний, в 1912 на средства Макушина построен «Дом науки», а в 1919 он приступает к строительству «Дома искусств». Планировался им даже Сибирский литературный фонд, но тут вмешалась Гражданская война.

Третья, уже массовая, истинно народная волна просветительства в Сибири связана с приходом Советской власти. Великая волна эта, при всей несомненности своих человеколюбивых и высокогуманных целей, тоже сопровождалась различными бессмыслицами, нелепицами и даже трагедиями. Тут и космополитическая идея перевода национальных письменностей на латиницу, и революционный отказ от опыта и наработок миссионерского просвещения, и беспощадная борьба с культами и культурными традициями, как христианства, так и ислама, буддизма и шаманства. Опять же, можно только представить душевную трагедию учителя-якута Кулаковского, ученики которого воевали и за белых, и за красных, жестоко убивая друг друга.

Но именно реализации в 20-30-е годы XX века государственной программы всеобщей грамотности и государственной национальной программы Сибирь обязана не только причащением самых малых своих народов к мировой учёности, но и появлению профессиональных национальных литератур, на старте и далее в развитии опирающихся на опыт и наработки литературы русской. Программно создаваемые азбуки, словари и учебники нормирования языков сопровождалась зарождением письменных литератур. Сказки, легенды, песни, нравственные и социальные мудрости, поколениями хранимые устно, теперь не просто записывались, но преображались личным творчеством. Понятия художественности, знания сюжетов, образов, стиховых и прозаических форм усваивались от русской художественности. Искусство слова подпиралось наукой литературоведения, и, вместе с бытово необходимой письменностью, одарённой молодёжи с берегов Чёрного Иртыша, Оби и Катуня, Енисея, Ангары и Селенги, Лены, Индигирки и Амура от уже

состоявшейся русской писательской профессиональности передавались теория и история мировой и отечественной литературы, философия, эстетика.

Величие русской литературы невозможно даже охватить, даже представить, а не то, чтобы преувеличить. И своё неоспоримое мировое лидерство русская литература утвердила тем, что главной задачей перед собой ставила осмысление жизни человеческой. Взывая к состраданию всех ко всем, наша литература всегда вела правдивое отражение внутренних мучений и радостей человека, взлётов и падений его души, свидетельствовала обретение духовно-нравственных идеалов. И можно только порадоваться за первенцев-писателей Западной Сибири и Восточной, Алтая, Забайкалья, Таймыра и Дальнего Востока, кому одновременно со своим авторством, посчастливилось открывать для своих соплеменников Крылова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Гончарова, Островского, Лескова, Короленко, Достоевского, Толстого, Чехова, Блока, Есенина, Шолохова...

Это были манси Мария Вахрушева-Баландина и Юван Шесталов, хант Григорий Лазарев и ненец Антон Пыря, сибирскотатары Якуб Занкиев и Булат Сулейманов, алтайцы Лазарь Кокышев и Борис Укачин, шорец Фёдор Чиспияков, буряты Бавасан Абидуев и Базар Барадийн, удэгеец Джанси Кимонко, чукчи Федор Тинетев и Юрий Рыхтэу, эвенк Алитет Немтушкин и якуты Софрон Данилов и Николай Мординов, тувинцы Олег Саган-оол и Екатерина Танова, хакасы Василий Кобяков и Николай Доможаков – да простите, кого не помяну, ну, не перечесть всего нашего сибирского богатства языков, славящих красоту Божьего мира! Такое под силу было бы только Николаю Васильевичу, но, эх, не докатилось колесо Гоголевской кибитки ни до парома через Обь, ни до ледовой переправы на Енисее...

Обратные переводы национальных писателей на русский язык встречно наполняли общероссийскую, а за ней и общемировую культуру свежими, небывало-неодуманными до того нюансами и гранями гуманизма и эстетики. Переводами на русский, а с него на другие мировые языки, в сознание человечества вводилась мудрость и красота целого континента, вводилась не как экзотика, не как диковинная добыча колонизатора, а как братский вклад в общее деланье. Священные сказки и лирические песни, героический эпос и колыбельные... Даже самый причудливый опыт чьей-то обособленной жизни, при всём различии речевых строений и словарных запасов, если он излагается каталогически-системно, выражается в логических рамках, используемых современным миром от времён Аристотеля – такой уникальный опыт становится опытом общечеловеческим.

Более того, именно русский язык, уже вместивший в себя говоры северных и южных, восточных и западных славян, обогатившийся вливаниями слов и мелодий тюрков и угров, кавказцев и монголов, своей необычайно развитостью и пластичностью, своей всеохватностью и величием, позволял в полноте объяснять англичанам и испанцам, арабам и китайцам, французам и корейцам тонкости мировоззрений и мирозерцаний *русских племён* Сибири. Позволял изъяснять душевные качества сибиряка.

А ещё Сибирь – это очистительная плавильня для самой русской речи, её культурная самовозгонка. Вольное и невольное смешение выходцев из самых разных краёв и окраин, позволили здесь грамотному литературному языку перекрыть оторванные от корней диалекты и наречия, очистить словарь, выправить ладово-интонационность и ритмику речи. Так, если опытный лингвист на слух узнаёт жителя Вологды и Челябинска, Саратова и Тамани, но вряд ли возможно по произношению угадать, вырос ли некто в Томске или Красноярске, в Тюмени или Барнауле. Современные сибиряки не «окают» и не «акают», не «тянут» и не «тараторят», их словарный запас объёмнее, чем у таких же нестоличных жителей европейского Зауралья, в своё время не решившихся двинуться встреч солнцу за лучшей долей.

Куприн сформулировал: «Язык — это история народа», и потому *страна умных людей Сибирь — это современность России.*